

Бабушка Лю держала в руке кастрюлю и половник, давая понять, что если бы старик напротив нее посмел что-нибудь сделать с их внучкой, она бы бросилась и ударила его моментально.

Ань Цай посмотрел вниз, обнажая всю свою треугольную форму глаз. Он выглядел очень свирепым, а его лицо и глаза всегда были мрачными. Только по его глазам можно было понять, что он был абсолютно безжалостным человеком.

Когда Юйшен закончила диагностировать пациента и он ушел, Ань Цай встал со своего места.

Семья Лю немедленно вскочила и заблокировала стол для консультаций Юйшэн:

- Ань Цай, чего ты хочешь?

Если бы им разрешили шуметь в маленькой комнате для консультаций Наннан, они бы прямо схватили Ань Цай и вытащили бы его на улицу. Как они могли терпеть его так долго?

Жители деревни Сяпо также не могли бы игнорировать эту историю и, скорее всего, произошла бы большая заворушка.

Хотя внучка семьи Лю только что спасла ребенка из их деревни, это был совершенно отдельный вопрос. Они, конечно, не могли бы согласиться, если бы с их деревенским старостой кто-то попытался разобраться.

Они все были здесь. Они были бы слабаками, если бы стояли в стороне, наблюдая, как издеваются над их деревенским вождем!

Жители деревни Сяпо тоже столпились там.

- Всем выйти на улицу! Ань Цай стрельнул прищуренными глазами и предостерегающе посмотрел на вбегающих жителей деревни.

Жители деревни Сяпо замолчали и отступили со скоростью улитки.

Пациенты в палате, которые не смогли выйти, были заблокированы внутри и озадаченно смотрели на происходящее.

Они посмотрели направо и налево, гадая, что задумали эти люди.

Все были готовы к решающему поединку.

Заставив жителей деревни отступить, Ань Цай достал из рукава кошелек, отсчитал 120 Вэн, сделал два шага ближе, обошел семью Лю по пути и положил медные монеты на стол.

- Вот здесь плата за консультацию и плата за лекарства для ребенка - 80 Вэн. Дополнительные 40 Вэн - это плата за пакет лекарственных трав. Большой пакет трав, конечно, стоил больше 40 Вэн, но у меня больше нет возможности заплатить.

Это было просто представление, которое он не должен был показывать перед друг другом.

Лю Цзиньфу был так зол, что стиснул зубы:

- Эй, старый ублюдок, если ты действительно хочешь заплатить, ты должен заплатить достаточно для этого Ты покупаешь лекарства на всю деревню всего за 40 Вэн? Ты действительно решил всех обмануть! Неужели ты думаешь, что нас, жителей деревни Синхуа,

так легко запугать? Почему ты все еще такой толстокожий после всех этих лет

- Денег больше нет, но у меня еще осталась одна жизнь. Если ты хочешь этого, возьми ее у меня.

Лю Цзиньфу и семья Лю замерли и поперхнулись от таких бесстыдных замечаний, лишив их дара речи.

Ань Цай медленно оглядел комнату и сказал глубоким голосом:

- Я, Ань Цай, всю свою жизнь был своевольным и не зависимым. Я никогда никому не служил, ни раньше, ни в будущем.

После паузы он перевел взгляд с семьи Лю на молодую девушку, которая уже встала и сказал:

- Но я должен перед тобой извиниться.

Сказав это, он согнул свою прямую спину и поклонился:

- Мне очень жаль.

Семья Лю была ошеломлена. Они ждали этого извинения более десяти лет и только сегодня услышали его сами. Они никогда не думали, что когда-нибудь услышат это.

Жители деревни Сяпо у входа были потрясены еще больше, это даже невозможно было выразить словами.

Когда это их деревенский староста когда-нибудь склонялся перед кем-то? Но сегодня он наклонился, склонив голову перед маленькой девочкой и извинился.

Все они знали, с чем было связано это извинение.

На какое-то время во всей комнате для консультаций воцарилась необычная тишина и покой.

- Я услышала ваши извинения и я принимаю их. Стоя позади своей семьи, голос Юйшен звучал ясно и спокойно.

Ее семья ждала этого извинения более десяти лет. Каждый раз, когда они вспоминали, что произошло раньше, они все еще злились.

Это извинение она смогла принять.

Этот поклон ее семья тоже смогла принять.

Но это не означало, что она могла простить. Из - за нее ее семья перенесла больше психологических пыток и понесла очень большой вред. Когда дело доходило до прощения, ее семья была наиболее квалифицированной, чтобы принять решение.

Ань Цай выпрямился, пристально посмотрел на Юйшэн и обернулся:

- Давайте!